

Гений польского народа

Николай ТИХОНОВ

Имя Адама Мицкевича, великого польского поэта, неукротимого революционера и демократа, давно утвердилось в первом ряду славных поэтических имен братской польской литературы, вошло в пантеон мировых писателей, побраталось с именами славнейших певцов славянства. Пушкин, Шевченко и Мицкевич явились, по выражению Горького, людьми, воплощающими «дух народа с наибольшей силой, силой и полнотой».

С тех пор, как жил Адам Мицкевич, прошло много времени. Мир принял другие очертания, и его родная страна не похожа на ту, которая значилась на карте прошлого. Дружба между польским и советским народами, дружба не на словах, а на деле, дружба, скрепленная кровью лучших сынов в боях за свободу против озверелого фашизма, эта дружба двух братских народов сегодня особенно звучит на поэтическом празднике великого народного поэта Адама Мицкевича.

Как после Октябрьской революции народ Советского Союза в полную силу прочитал своих классиков и взял их с собой в дорогу к социализму спутниками новой культуры, нового социалистического общества, так сегодня человек демократической Польши прочтет Мицкевича с новой силой, почувствует заново его горячие призывы юности, его полные патриотизма и ненависти к врагам родного народа огненные строки, и всем сердцем примет его лирику, вышедшую из народных глубин, чтобы вернуться освещенной снова к народу.

Судьба определила так, что Адам Мицкевич родился не на коронной земле польской, а в Литве, в фольварке Заосье, около города Новогрудка, в семье адвоката. С первых лет сознательной жизни Мицкевич знал постигнутую Польшу трагедию. Страна была разорвана на три части тремя последовательными разделами. Он знал о героических и неудачных попытках сопротивления, народного восстания, одиночной борьбы. Об этом говорили окружающие, об этом он не мог не думать в тишине и прекрасной картинности лесов, окружавших маленький Новогрудок. Тут был сказочный мир детства, но в то же время мир суровой романтики.

С детства юный Адам был окружен песнями, легендами, сказаниями, с детства жадно запоминал их, из них узнавал о народной жизни. Пелись эти песни и по-польски, и по-литовски, и по-белорусски, и по-русски. Недаром эта песенная сила так глубоко охватила его творчество, пронизала его первые песни, сообщила стихам певучесть, искренность, человечность, страсть большого сердца.

Но вот Мицкевич зачислен студентом филологического факультета Виленского университета. В университете образуется тайное общество «Филематов» — друзей науки. В него входят близкие Мицкевичу друзья: Народ и родина стоят перед глазами молодых людей; трудиться на их благо, распространять знания, привлекать молодежь, воспитывать ее — вот задачи общества.

Стихи еще не родились, но вот появляются первые опыты, и это не то, что пелось там, в Новогрудке, в песнях крестьян. Это подражания ложной классике поэта Трембкевича. Вскоре Трембкевича сменяют новые властители дум. Поэзия Шиллера и Гёте возмущает его к народной поэзии, интерес к которой вспыхивает с новой силой. Сладкогласный Жуковский производит на него сильное впечатление баллада «Людмила», где наивно все элементы романтизма.

Но университет очарован, и надо ехать в Ковно на службу. Там надо занять скромное место учителя узедной школы. Четыре года напряженных исканий, тяжелая любовь к просвещенной за графа Марии Верещака, скучная работа, трудная обстановка.

Произведения этого периода насыщены страстью настоящего поэта. Ода к юности становится широко известной польской молодежи. Она призывает к борьбе, в ней пылание солнца свободы, угроза тиранам.

Здесь Мицкевич решает важнейший из вопросов: — по какому пути пойдет его поэзия. И он отвечает своей книгой «Баллады» и своими первыми поэмами на этот вопрос. Это поэзия с народными источниками, с народной наивностью и мелодичностью, поэзия социальных мотивов, высокого патриотизма, личного горения, глубокой внутренней взволнованности. Поэзия не развлекательная, не каприз прихотливой таланта. Поэзия народных судеб, исканий, борьбы за человека и за его свободу.

Он пишет поэму «Гражина». Зачем Мицкевичу нужно было подымать старое предание и по-новому рассказывать его? Он хотел призвать к единению перед лицом опасности славянские народы, и так жутко читать его исторические примечания, в одном из которых сказано: «Безъязы без содержания читать описания всех зверств, которые крестоносцы совершали над несчастным народом».

Читаешь как будто вершающую страшную вещь из тех же мест. И те же захватывающие и те же приемы. Нет, не устала поэма Мицкевича, только мы читаем ее по-новому.

Рядом с «Гражиной» появились первые части поэмы «Дзяды». Это страстное, протестующее произведение, где все говорит о неустойчивости земной жизни, о несправедливости, о мучениях, вызываемых муками любимого сердца, обманутого и отвергнутого.

Плут времена. Растет и мужает молодой гений. Он не только в курсе того, что делается в европейской литературе, но и в курсе политической борьбы. Он уже член общества «Филаретов» (друзей добродетели). Это тайное общество проводит чисто политические собрания и беседы. Царское правительство, давно следившее за ростом оппозиционных групп и тайных организаций, с 1822 года начинает усиленное наступление на них. Мицкевич как раз добился двухдневного отпуска и вер-

нулся из Ковно в Вильно. Но вместо заграничного паспорта его ждали мрачные стены Базиланского монастыря. Власть напала на след «Филаретов», и Мицкевич был арестован вместе с друзьями — участниками общества.

Много передумал Мицкевич в стенах монастыря-тюрьмы: о борьбе с произволом и тиранией, о личном, человеческом и о том, что делает человека выше, сильнее, — о служении родине, народу, будущему но имя других, всех угнетенных народов.

Под влиянием всех этих сложных и драматических раздумий, он на стене своей кельи-камеры в монастыре решительно написал: «23 ноября 1823 года здесь умер Густав, 23 ноября 1823 года здесь родился Конарад». Это значило, что он выбрал путь. Исчез мечтательный, добродушный,

нался черный замок «Конарад Валленрода». Надежда обновления родной земли, возвращение утраченного счастья — эти чувства, смешанные с чувством национального унижения и жадной отомщенности за все несчастья и мучения, — вот то, что мучило и привело к гибели в час победы герцога Конарада Валленрода.

Нома была призывом к борьбе. Мицкевич привел Конарада Валленрода на край гибели, но в этой борьбе темных и народных сил он встал на сторону народа и сказал, что для спасения народа, для его свободы и чести ничего не жалеть отдать, даже свою жизнь. Нет такой большой жертвы, которую не надо было бы принести за счастье и свободу родного народа. В этом смысле Конарад Валленрод удивительный, могучий и свободный характер. Мицкевич был в полном расцвете своих творческих сил. Окрыл и вырос песенный дар Мицкевича за время его пребывания в России. Правду сказал русский поэт Козлов польскому поэту Одыну, другу Мицкевича, когда Мицкевич уезжал из России: «Взгляни мы его у вас, сильными, а возвращаемся могучими!».

15 мая 1829 года на пароходе «Георгий IV» Мицкевич выехал из Петербурга за границу, оставляя Россию навсегда. Но и за границей Мицкевич продолжает встречаться с Гоголем, и с Вяземским, и с Герценом.

В Риме он встречается снова с русскими друзьями, которые полны заботы о том, что он не пишет новых стихов. Как известно, внезапно разразившаяся и кончившаяся неудачей польское восстание очень тяжело отразилось на душевном состоянии Мицкевича. Он не мог принять в нем участия, и конец его поэт застал в районе Познани.

Тогда же зародилась в нем мысль о новой поэме — «Пан Тадеуш». Но раньше «Тадеуша» он пишет третью часть «Дзядов» и «Книги народа польского» в польское пилигримство, военные баллады и лирические о России. В этих стихах он не падает николаевской России, с любовью говорит о русском народе.

Он поставил вперед цитла стихотворение «Русским друзьям»: Где теперь вы? Мой друг благородный Рылев!

Позабить ли мне братские ваши объятья... Мой Бестужев, чью руку моя пожинала... Вы мой голос узнаете: пока я был пленный, Тихо ползал ужом я в угоду тирану, Но от вас не скрывал своих дум

И, как голубь, был прост и не ведал обмана. Ныне кубок отравы на землю я брызнул, И огнем обожгло мое горючее слово, Его горечь пропитана кровью отчины, — Так пусть жжет, но не вас, только ваши окопы! ...Тянулись годы изгнания. Страны сменяли страны, но связью все связанным с горячей жизнью трудности, разочарования, усталость и тяжелое душевное состояние Мицкевич прорывается к великому своему замыслу: он пишет «Пан Тадеуша».

Длинная пропесня самых различных человеческих характеров проходит по главному этой эпической поэмы, которую называли смесью Иллады и Дон-Кихота. С «Паном Тадеушем» как бы закрывалась поэтическая книга и началась другая книга жизни. Мы видим его и в Париже, и в Лозанне. Мы находим его на кафедре «Коллеж де Франс», где он читает лекции о славянских литературах.

Несколько мрачных лет Мицкевич провел, связанный с шарлатанской и мистической сектой авантюриста Андреа Товианского, который сумел повлиять на тяжелые переживания поэта и увлечь его в сторону мистических предрассудков, в темноту душевных болезненных провалов.

Но как только по Европе прокатилась жгучий ветер революции 1848 года, Мицкевич снова воспрянул духом, «собрал сил, в котором он держало лишь чувство отчаяния, рожденное бездеспотностью и бесперспективностью». Он хотел организовать в Италии польские легионы — «армию республиканскую и социалистическую», как он говорил, для освобождения Италии и Польши. В следующем году он организует в Париже газету «Гробиона народов», которая горячо приветствует народы Европы, вступающие в борьбу со своими тиранами. Правительство Луи Бонапарта закрывает газету, и Мицкевич, чтобы избежать ареста, приходится скрываться. В 1855 году он организует в Турции польские легионы и там же, в Константинополе, умирает от холеры 26 ноября 1855 года. Его прах сначала перевозят в Париж, а в 1890 году — в Краков, в древний замок Вавель.

Много лет прошло с той поры, но голос поэта живет во все эпохи, звучит во дни торжеств и бед народных. Мицкевич писал в «Пане Тадеуше»: Дожить бы мне до радостного мига, Когда пойду по селам эта книга...

Но только трудящиеся новой народной Польши возмут эту и другие книги своего поэта, возмута в руки, но и все братские народы прочтут в переводах лучших поэтов, старых и новых, прочтут, чтобы воздать должное великому борцу за народ, за родную землю, за лучшее будущее человечества.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

Портрет работы художника Ф. Константинова

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники — К 4-60-02, информации — К 3-19-30, отдел писем — К 0-62-91, издательство — К 5-09-66, К 0-36-84.

Нерушимая дружба

М. РЫЛЬСКИЙ

Горький — человек, воплощенный в себе все прекрасные черты классической русской литературы, человек, которого мы по праву называем основоположником советской литературы, — назвал однажды трех величайших поэтов славянства — Пушкина, Шевченко, Мицкевича — радостными явлениями. Имена не случайны. Не случайно и определение. Личная судьба Пушкина, Мицкевича, Шевченко была трагической, много трагического было в жизни народов, их породивших, но эти гениальные поэты несли народу величайшую радость, непоколебимую веру в грядущее счастье, чувство дружбы народов.

С только что оказанным, естественно, сочетается другое: народность творчества наших любимых поэтов, их неразрывная связь с устной поэзией народа. Шевченко вырос из народной украинской песни. Это понятно: поэт-крестьянин. А поэт-дворянин Пушкин? Разве возможно было его творчество без сказок Арины Родионовны, разве не имел права Пушкин, подобно королю Лире, заявить: «Во мне каждый дум — король», сказать: «Во мне каждый дум — русский народ»? А Мицкевич так говорил о значении, о красоте, о величии народного творчества, народной песни:

О, зови были! Ты, как ковчег завета, Над прошлым и грядущим поколением! Ты меч народа, блеск его отсвета, Ты дум ковер и чувств его цветенье. Ковчег завета, неподвластный самым Безудержным ударам силы вражды; О, песнь народа, ты стоишь на страже Перед его воспоминаний храмом, Архангела крылами овеяв И меч его подчас в руке взывая.

Все прекрасное, написанное Адамом Мицкевичем, вытекает из народного творчества. Недаром он так усиленно подчеркивал в подзаголовках своих баллад: «Из народной песни», «Литовское сказание», «Украинская баллада». А разве его величайшее произведение — польская национальная эпопея «Пан Тадеуш», задуманная и написанная «на парижской мостовой», после трагически-неудачного польского восстания 1830 года, не является гениальным отзвуком тех простодушных рассказов новогрудских стариков, мелких шляхтичей, панских слуг, крестьян, которых со сверкающими глазами слушал юный Адам?

Мицкевич был одним из самых блестящих импровизаторов, которых знал мир.

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

Перевел Н. Асеев.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Это ведь о нем, после одной из его импровизаций, со свойственной великим людям несправедливостью к самим себе, воскликнул Пушкин: «Что я, в сравнении с ним? И вот эти свои изумительные импровизации Мицкевич пламеннее всего творил, когда ему аккомпанировали на простой деревенской свирели».

Мицкевич неотделим от польского народа. Он неотделим и от народа русского. Гениальный русский правительством, он был беспредельно любим передовыми русскими людьми. Его дружба с Пушкиным, Вяземским, Жуковским, братьями Полевыми, глубоким восторгом, с которым отзывались о нем Гоголь, Герцен, Белинский, Лев Толстой, Горький, — общезвестны. О нем, о Мицкевиче, горячем поклоннике Байрона, сказал один из замечательных поэтов России — Евгений Бортнянский:

Когда тебя, Мицкевич вдохновенный, Я застаю у Байроновых ног, Я думаю: поклонник униженный, Восстань, восстань — и в спомни: сам ты бог!

Родным поэтом является Мицкевич и для нас, украинцев. И не только потому, что он тепло вспоминал про Украину в поэме «Пан Тадеуш» (о липе в имени Голубинских над Росью — липе, под сенью которой «могли танцевать сто юношей и сто девушек»), не только потому, что он, по свидетельству Максимовича, пристально интересовался украинским языком, украинским народным творчеством, не только потому, что его любимо переводили Боровиковский, Гулак-Артемовский, Франко, Старичий, любовно переводят ныне советские украинские поэты. Не только потому. Нам радостно подумать, что Адам Мицкевич был одним из любимых поэтов величайшего нашего национального гения — Тараса Шевченко. Глубокий почитатель Пушкина, Шевченко особенно любил читать и называть то стихотворение его, посвященное Мицкевичу, в котором звучат потрясающие строки:

Он говорил о временах грядущих, Когда народы, распри позабыв, В великую семью соединятся.

Осуществление этой пророческой мечты мы видим в наши дни, в Советском Союзе, под знаменем Ленина, под водительством Сталина. Дружба наша с новой демократической Польшей — нерушима. Слава дружбе народов, бессмертная слава поэтам, которые свое творчество, свою жизнь отдали за осуществление этой дружбы!

Мих. ЗЕНКЕВИЧ

Перевел Н. Асеев.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Перевел М. Светлов.

Адам МИЦКЕВИЧ

ПЕСНЬ АДАМА

Украшим чело венками,
Друг другу шире объять!
Чужим тут нет между нами.
Все наши. Все — наши братья!

Коварство, ложь, тунисство, —
Об этом средь нас ни звука.
Основа нашего братства:
Отчизна, доблесть, наука.

Так сбросим с сердца оковы,
Брат чувства откроет брату,
И в нашем правдивом слове
Все будет чисто и свято.

Дружба страданье смывает,
Всеслово дружбу скрепляет,
Но в час труда или досуга,
Но в час забот или забавы,
На троне или у пуга,
Брат, помни наши устави,*
Запомни слова присяги,
Они — обет и порука,
Они священные, как стяги:
Отчизна, доблесть, наука.

Дойдем до конца дороги,
Дойдем, не страшась препятствий.
Все одолеют тревоги
Мужество, труд и братство.

Перевел А. Глоба.

* Имеется в виду устав общества филематов, обязывавший участников его трудиться на благо родины, науки и добродетели.

ЛЮДИ И СОВЫ

Дом вырастал на поле — светлый,

Красный, новый,
Рядом лягушки жили, ночью кричали совы.
Сказала сова спросты: «Мне этот новый дом!»

А жаба, зевнув, прошептала: «Я поселился в нем!»

Сказал человек: «Известно, в развалинах совы живут,

А жабы в гнилье и в скажинах своей находят уют!»

В доме моем высоком, светлом, красивом,
Не приютится жаба и не поселится сова!»

Перевел М. Светлов.

РУКОЮ ПОЭТА

Роезье

АДАМА МИЦКЕВИЧА

ТОМ ПЕРВЫЙ

Вильно

Дружбы

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно

Вильно